

Феномен свободы в условиях глобализации

С 1 по 3 апреля 2008 г в Государственном университете – Высшая школа экономики проходила IX Международная научная конференция «Модернизация экономики и глобализация»¹. И хотя столь масштабный университетский симпозиум организовывается девятый год подряд, дискуссия по проблемам свободы в условиях глобализации состоялась впервые. 3 апреля под председательством проф. Т.Ю. Сидориной была проведена сессия, основными участниками которой стали преподаватели московских вузов – ГУ-ВШЭ, МГИМО и РГГУ. В работе сессии также принимали участие представители Российской академии образования.

Дискуссию «Феномен свободы в условиях глобализации» открыла проф. Т.Ю. Сидорина, обозначив основные теоретические и научно-практические интересы ее участников и те приоритетные направления, которые они вызвались отстаивать. Сессия стала одним из итогов исследовательского проекта, проводившегося при поддержке Российского гуманитарного научного фонда².

«Конец труда» и бремя свободы

В докладе проф. Т.Ю. Сидориной («Феномен конца труда в обществе потребления») участникам круглого стола был предложен анализ одного из феноменов современной массовизации общества и наступления эпохи потребления. Это – феномен «конца труда», когда сокращение доли занятых в производстве людей стирает субстантивные для предшествующей истории признаки идентичности «человека работающего». Массовый переход к работе по несколько часов в неделю, по краткосрочным проектам и контрактам, до очередного «уведомления» – все это, по определению З.Баумана, симптомы, новой «краткосрочной» ментальности, пришедшей на смену прежней – «долгосрочной».

Новые реалии современного западного мира определяются еще и тем, что все более расширяющаяся «краткосрочная» трудовая ментальность особым образом укладывается в традиционный приоритет западно-европейской либеральной традиции – приоритет индивидуальности. В таком сопряжении труда и свободы вымываются прежде «фундаментальные» рецепты общественного благополучия и ценностного самоопределения работника. По сути, изменился сам вопрос. Прежняя его постановка – «для чего я тружусь?» или «кому нужен мой труд?» – представляется несколько архаичной и заменяется экзистенциально

¹ Программа конференции, имена участников и доклады размещены на сайте ГУ ВШЭ (http://d1.hse.ru/org/hse/conf-april_ru/prog2008)

² Проект «Феномен свободы в условиях глобализации» проводился при финансовой поддержке РГНФ.

углубленной: «для чего я тружусь, когда можно не трудиться вовсе?». Ответы на переформулированный вопрос уже не несут в себе смысловую нагрузку «общественной пользы» или прежнего идеала самоутверждения в труде и его результатах. Вместо этого, они представляются повседневной реакцией на вновь открывающиеся измерения свободы, выражающейся в стремлении «как-то» и «чем-то» их заполнить. Т.Ю. Сидорина относит к вероятным рефлексиям «краткосрочной» трудовой мотивации такие, как – «потреблять, чтобы еще больше потреблять» или – «чтобы развлекаться». Иначе говоря, свободное от труда время, все более увеличивающееся во времени жизни человека, превращается из величайшего блага будущих поколений (как его определял К. Маркс) в странную заботу сегодняшнего дня, когда «интересное» производится и потребляется в том же суточном режиме – «все интересно только сегодня». В таких условиях прежний смысл труда рутинизируется и теряет свою былую значимость. На него теперь смотрят как на тяжкую повседневность, от которой неплохо бы избавиться.

С другой стороны, свободный от бремени «долгосрочной» трудовой ментальности человеческий ресурс, не есть только проблема или только забота. Т.Ю. Сидорина определяет этот сверхнормативный довесок свободы, подаренный современными технологиями, и как основной резерв труда нового типа (... да здравствует король!). Ни для кого не секрет, что логика развития самых передовых современных производств (компьютерные, информационные, нано- технологии и т. д.) убедительно демонстрируют рост потребности в самоопределившихся в своем нестандартном и творческом отношении к делу работниках.

Если мы перенесем данный аспект проблемы на современную Россию, то увидим не столько коренное отличие, сколько ее перекося, вывих. Докладчик усматривает основную причину такового в последствиях 70-летнего социально-экономического экспериментаторства. Современная трудовая ментальность россиянина в значительной степени остается намагниченной идеологическими (в переносе на конкретного субъекта – идиллическими), установками недавнего прошлого. К числу последствий экономического патернализма и эгалитарного распределения относится странная несообразность: с одной стороны, однозначно негативная оценка тунеядства, с другой – очевидное прозябание (тоже свобода, но иная) части российского населения (особенно сельского), и его неспособность на равных конкурировать с предприимчивыми мигрантами. И все это существует на фоне завышенной статусной самооценки россиян. Такое положение вещей надолго оставляет Россию «страной догоняющей модернизации».

Но парадоксальность российской ситуации еще и в том – резонно и со скепсисом замечает Т.Ю. Сидорина, – что в условиях сегодняшнего упрочения вертикального социального контракта, именно государство (в который раз!) берет на себя функции основного, а в ряде направлений – единственного, регулятора и субъекта социальной политики.

Таким образом, реалии соотношения труда и свободы на Западе и в России не аналогичны. Однако в этих реалиях обнаруживается и нечто общее – это проблема «выстаивания» человека в новых измерениях свободы, когда человек тестируется избыточностью свободного времени и соблазненном экспоненциально возрастающего потребления.

Либерализм и экономический рост: за и против

Отношение труда и свободы может быть также представлено путем обращения к более крупным формам политико-экономического взаимодействия. Так, центральной проблемой доклада проф. В.П. Филатова («Либерализм, глобализация и устойчивый экономический рост») становятся уже не субъекты трудовой деятельности, а государственные формы, в которые они погружены. Это – экономика и либеральные институты власти.

В последнее десятилетие распространился тезис о том, что процессы глобализации ведут к разоблачению либерализма, его кризису и даже к окончательному краху (И. Валлерстайн)³. О провале либеральной экономической политики в контексте глобализации написано немало статей и книг, в том числе - лауреатами Нобелевской премии по экономике М. Алле и Дж. Стиглицом⁴. В.П. Филатов предлагает пристально разглядеть позиции критиков либерализма. Это, по его мнению, позволит обнаружить то, что «они нередко бьют по несколько разным мишеням». В условиях глобализации, по справедливому замечанию Н. Лумана, большие идеологии отличаются исторической изменчивостью.

Следует обратить внимание на отчетливые сдвиги в трактовке самого понятия «либерализм», а также принимать в расчет возможные извращения значения этого термина. Так, изначально либералами называли тех, кто делал упор на свободу как на конечную цель и на индивида - как на конечную единицу общества. Внутри страны либералы отстаивали свободную конкуренцию как средство уменьшения государственного вмешательства в экономику и, соответственно, увеличения роли индивида и т.д. В области политической либерализм означал поддержку развития представительной власти, сокращение неподотчетной государственной власти и защиту гражданских свобод индивида. Однако с 1930-х гг. постепенно лозунг свободы стал подменяться лозунгами благосостояния и равенства.

Для обсуждения на круглом столе, докладчик предложил ограничиться политическим пониманием либерализма как «систематическим мировоззрением о свободе человека». При этом экономическое ядро либерализма составляет «признание права свободной экономической деятельности и экономического обмена на базе частной собственности и рынка». Когда это ядро обрастает социальной плотью, оно обозначается как «капитализм», замечает автор сообщения.

³ См.: Валлерстайн И. После либерализма. М., 2003.

⁴ См.: Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. М., 2003.

В.П.Филатов придерживается **мнения**, что монолитной системе либеральных институтов и современного капитализма пока трудно что-то противопоставить. Подправленный Броделем неомарксизм Валлерстайна или же неокейнсианство Стиглица выглядят достаточно маргинально по сравнению с аргументацией современной неоклассической экономической теории со встроенной в нее либеральной идеологией. Важным доводом в пользу позиции, что о смерти либерализма заговорили преждевременно, является впечатляющий рост **в последние десятилетия** числа стран, входящих в состав либеральных демократий.

Однако все же нет полной ясности в том, как связаны благосостояние общества и свобода. До сих пор в мире не так много стран, которые смогли успешно и на долговременной основе соединить эти феномены. Для российского читателя картина во многом затемняется растиражированными в газетах и на ТВ некритичными обвинениями в адрес наших либералов во всех мыслимых провалах экономической политики. Докладчик предлагает прояснить ситуацию, последовательно рассматривая аргументацию сторонников краха либеральной доктрины экономического роста. Это: 1) свободы тормозят экономический рост («тезис Ли»); 2) большинство простых людей в ситуации выбора между обладанием свободами и удовлетворением экономических нужд, предпочитают экономические интересы и 3) либеральные свободы не являются универсальными ценностями, что они характерны только для западного мира. Насколько значимы эти аргументы? И как в таком случае следует оценивать экономические успехи Чили под властью Пиночета, новых индустриальных экономик Тайваня, Южной Кореи, Гонконга, Сингапура и современного континентального Китая? Действительно ли авторитаризм более эффективен в достижении длительного экономического роста, чем либерализм?

Аргументы «противников» сопоставляются с теоретическими аргументами «сторонников» либеральной парадигмы экономики. В систематическом виде их приводит специалист по экономикам развивающихся стран, Нобелевский лауреат А. Сен⁵. Либеральные свободы здесь определяются тремя аспектами: (1) их внутренней значимостью, (2) их инструментальными свойствами и (3) их конструктивной ролью в создании общественных ценностей и норм. Предложенное сопоставление позиций делает распространенное убеждение об экономической эффективности авторитаризма весьма спорным. В этой связи и упомянутый «тезис Ли», представляется как основанный на весьма выборочных и ограниченных данных, а не на всесторонних эмпирических исследованиях.

В пользу отстаиваемой позиции В.П. Филатов приводит исследования по идентификации социально-психологических черт «человека модерна» (на уровне среднего, обыкновенного человека), проводившиеся в 1970-е гг. американскими социологами под руководством А. Инкелеса⁶. Не менее

⁵ См.: Сен А. Развитие как свобода. М., 2004. С. 32.

⁶ См.: Inkeles A., Smith D.H. Becoming modern: individual change in six developing countries. Cambridge, 1974; Inkeles A. Exploring individual modernity. N.Y., 1983.

убедительным им представлен и другой непреложный факт: если начало экономической модернизации происходит в рамках авторитарных структур власти, ее развитие и длительный экономический рост с неизбежностью порождают в обществе все более широкий слой «людей модерна», которые начинают требовать гражданских свобод и участия в политике.

Определенное внимание уделено и такому «прозаическому» типу освобождения, как освобождение через потребление. Стремление людей к мобильности, к разнообразию видов занятий и отдыха оказывается постоянным стимулом для выпуска на рынок новых продуктов и услуг. В целом есть основания утверждать, что практически все стимулировавшие капитализм изобретения были связаны с предложением новых способов освобождения человека.

Таким образом, глобализация не ведет к кризису либерализма. Напротив, либерализм весьма динамично распространяется со своего первоначального плацдарма в Западной Европе и Северной Америке. В свою очередь принципы свободы не являются некими локальными ценностями, но предстают универсальными и, в этом смысле, глобальными характеристиками человека и современного общества.

Глобальный мировой порядок и концепция «управления хаосом»

Доклад Т.Л. Полянникова («Геополитическая структура мира: новые степени свободы?») перевел дискуссию о свободе на уровень геополитических реалий. Свобода не проявляется в детерминистическом накоплении или уменьшении некой субстанции *liberty*. Процесс глобализации на рубеже столетий, как оказалось, вовсе не принес предсказуемого переноса либеральных принципов на межгосударственные отношения. Модель разнонаправленного действия – либерализм внутри и империализм вовне – оказалась, пожалуй, наиболее реалистичной в однополярном и одноблоковом мире.

За основу в докладе были взяты рабочие материалы комиссии РАН по социокультурным проблемам глобализации, прокомментированные и опубликованные А. Неклессой под символическим заголовком «Управление хаосом»⁷.

Сама логика взаимодействия внутри нарождающегося геополитического универсума заметно отличается от организационных начал уходящего мира. С одной стороны, декларируется верховный суверенитет человеческой личности, главенство прав человека над национальным суверенитетом, а демократическая формула организации общества признается интегральной и неотъемлемой частью международной системы безопасности. С другой - отчетливо проявляются тенденции, когда защита прав человека служит лишь своеобразной «дымовой завесой» для достижения стратегических целей основных субъектов глобальной политики.

⁷ См.: Неклесса А.И. Управляемый хаос. Рабочие материалы комиссии [по социокультурным проблемам глобализации РАН]. М.: Комиссия по социокультурным проблемам глобализации РАН, 2003.

Опираясь на позицию А. Никлессы, докладчик, выделил девять признаков трансформации нарождающегося мирового контекста. Кромка новой реальности возникает на стыке установления форм глобального контроля и вменения локального хаоса. Таким образом, реакция на разрастающийся хаос заключается в усилиях по его локализации с последующем перехватом управления. Очевидно, что продвижение единственной сверхдержавой стратегии «управления хаосом» спровоцировано разрастанием неспрочитываемого и все более усложняющегося мирового порядка. Состояние такого сложного объекта, которым является современный мир, представлено докладчиком в терминах: непредсказуемость, нестабильность, спонтанность, непрогнозируемость, невычислимость, турбулентность... В международных отношениях мы заполучили ситуацию, которая определяется увеличением количества игроков с параллельным расширением их степеней свободы. По признанию высокопоставленного американского дипломата, С. Манна, «великая “холодная война” предохраняла нас от нарастающего хаоса, от подлинного динамизма в мире, и только сейчас мы стали осознавать масштаб мировых вызовов»⁸.

Т.Л. Полянников привел три основные позиции по оценке исторических перспектив глобальной геополитической структуры, которые существуют сегодня в мировом экспертном сообществе.

Первая - ничего принципиально нового, по сравнению с событиями рубежа 1990-х гг., не происходит и только одна система, будет и далее доминировать в мировой политике – это либерально-демократический Запад. Таковая, в частности, представлена в статье Ф. Фукуямы с симптоматическим названием: «История продолжает идти по нашему пути: либеральная демократия неизбежно победит»⁹. Суть ее в том, что трагические и турбулентные события последнего времени, в конечном счете, отражают последовательное продвижение в будущее «либерального локомотива» и ускорение процесса модернизации в мировом сообществе.

Согласно второй позиции, на планете происходят такие качественные изменения, которых прежде не было вовсе. Процесс модернизации исчерпан. Соответственно, будущее монополярной геополитической конструкции представляется проблематичным. Мир находится в состоянии перехода к новой биполярности, к «столкновению цивилизаций» (С. Хантингтон) – западной, или атлантической, имеющей англо-саксонское протестантское культурное ядро, и дальневосточной, несущей в себе ханьское конфуциано-даосско-буддийское ядро (КНР). Китай, как известно, всячески приветствует глобализацию и готов пользоваться предоставляемыми ею «плюсами». Но при власти Китая этом совершенно не собирается впускать в свое

⁸ Манн С. Реакция на хаос // Новый мировой беспорядок: жизнь на грани хаоса. Материалы к заседанию клуба «Красная площадь» 31 мая 2006 г. М.: [ИНТЕЛПРОС] 2006. С. 11.

⁹ Fukuyama F. History Is Still Going Our Way: Liberal democracy will inevitably prevail // The Wall Street Journal. 5.10.2001.

социокультурное пространство либеральные ценности - демократизироваться или реализовывать на практике доктрину прав человека.

Суть третьей позиции в споре о будущем глобальной геополитической структуры такова: монополярный мир конца XX – начала XXI вв. является переходным состоянием исторического процесса, цель которого – реальная мультиполярность мира. Здесь рассматриваются различные варианты новых блоковых конфигураций, в том числе и блок BRIC (Бразилия–Россия–Индия–Китай).

Таким образом, вместо оптимистичного сценария благостного конца истории прорисовывается другой, пессимистичный – сценарий планетарного столкновения цивилизаций или сценарий нового блокового противостояния.

Как быть, когда горизонт и устойчивость прогноза в турбулентном пространстве столь незначительна, а многие испытанные временем алгоритмы стратегического анализа и планирования практически дают очевидный сбой? Ответ сверхдержавы - активная политика, нацеленная на опережение событий. В качестве одного из инструментов опережающего продвижения своих интересов в мире, а, по сути - в качестве одного из принципов глобального управления XXI в. - выступает концепция «управляемого хаоса», разработанная сотрудниками RAND Corporation¹⁰.

В основании названной концепции закладывается развивающаяся область математических исследований нелинейных систем. В отличие от линейных систем, нелинейные характеризуются сложной петлей «обратной связи», когда причиной больших и, возможно, катастрофических последствий могут быть незначительные изменения начальных условий («эффект бабочки»).

Таким образом, руководствуясь идеей сохранения глобального status quo, единственная сверхдержава вынуждена приводить и удерживать тот или иной регион мира в таком состоянии, когда расположенные в нем государства были бы не способны контролировать свои собственные наличные силы и адекватно реагировать на внутренние и внешние вызовы. Соответственно, правительства таких стран будут нуждаться в постоянной внешней поддержке. По своим последствиям это похоже на «бархатную» оккупацию/колонизацию. Хаос, как один из модусов свободы, в таких условиях, становится инструментом управления.

Таким образом, констатирует докладчик, у нас мало надежд, что новые и в некотором смысле беспрецедентные степени свободы сделают глобальный мир более стабильным и справедливым. Гораздо больше оснований полагать, что нас сносит в пространство неравновесных состояний, непредсказуемых по своим глобальным последствиям.

Антропологическое и онтологическое измерения свободы

¹⁰ См.: Федотова В.Г. Управляемый хаос // Новый мировой беспорядок: жизнь на грани хаоса. Материалы к заседанию клуба «Красная площадь» 31 мая 2006 г. М.: [ИНТЕЛПРОС] 2006.

В своем докладе проф. В.Д. Губин («Свобода – сущностная характеристика человека») предложил сопоставить понимание свободы, которое веками развивалось в философии, с теми сдвигами в ее понимании, которые произошли в последние десятилетия.

За основным тезисом, выраженным названием доклада, следует утверждение о правомочности постановки вопроса о свойствах свободы самой по себе, как укорененной в бытии сущности. Так, в антропологическом Кантовом измерении вопрос о свободе трансформируется в размышление: мы живем, являемся живыми, когда даем этим свойствам свободы через нас действовать, поскольку сами они живут другой жизнью – вечно актуальной. Правда, человек включается в нее лишь иногда. Только ставя себя на край возможного, человек становится способным к творчеству и творит – не из природы, а из свободы. Однако такому, при опоре на Канта, размышлению о свободе может быть дан и другой ход: мир без свободы (а она входит в мир только через человека) так же невозможен, как и мир без материи. Свобода таинственна, потому что она безосновна, по отношению к чему-либо другому.

Свобода – это не то, что может быть подарено или отнято, свобода – это и есть человек. Способность порождать ничто между собой и существующим, производить дистанции и расстояния, вступать в отношение с каким-либо бытием, то есть выводить, выключать себя из круга бытия, – именно эту способность Сартр, ссылаясь на Декарта, именует свободой, как фундаментальным состоянием человека. Человек совсем не является вначале, чтобы потом быть свободным, но нет различия между бытием человека и его «свободным-бытием». Свобода есть выбор, но свободу не выбирают. Мы не выбираем быть свободными, мы приговорены к свободе, брошены в нее (Ж.П. Сартр).

В.Д. Губин подчеркивает, что речь должна идти не только об антропологическом, но и об онтологическом статусе свободы. Только ее основанием не может служить ничего из сущего. Сартр связал свободу с Ничто, с «негацией бытия». Бердяев укоренил свободу в Ungrund-e, в безосновном, утверждая тем самым ее независимость и примат по отношению к Бытию. Общее в приведенных позициях то, что свобода не может иметь основания в эмпирическом и феноменальном бытии мира. Она всегда свобода не от чего-то, а свобода для чего-то.

Когда человек перестает относиться к себе как к вещи среди других вещей, когда понимает, что никакого надежного и гарантированного места ему в этом мире не выделено, то для него уже нет никакой твердой опоры – разверста пропасть свободы. Мир неспособен больше ничего предложить. Он один, поскольку выпал из доверительных отношений с другими. Для такого «выстаивания» в свободе нужно иметь мужество полагаться на самого себя, а не на «субстанциальную нравственность» государства, общества или общественной морали.

Следуя текстам Сартра, докладчик обращается к сюжету из «Бытия и Ничто», в котором индивид, реализовав свою цель, тотчас «убегает» прочь в

направлении нового будущего, отрицая уже достигнутое. Это изнурительное бегство всегда «во-вне-себя» представляет собой частный случай обреченности на провал всякой попытки освоиться в мире, найти свое незыблемое и законное место. Человек, в этом смысле, является *недостаточностью* как онтологическим источником любой недостаточности, незавершенности. Он всегда бесперывное преодоление любой формы существования, незавершенная распадающаяся тотальность и отрицание конкретного бытия, невозможность совпасть или отождествить себя с какой-либо реальностью, всегда неравная самой себе структура, порождающая новые свойства.

Концепция свободной личности, выработанная западной цивилизацией, не является единственно возможной. Проблема свободы, понимание того, что свобода – это величайшее бремя и возможный источник зла стала центральной темой в творчестве Ф.М. Достоевского. Человеческая природа, по Ф.Достоевскому, полярна, антиномична и иррациональна. У человека есть неискоренимая потребность в иррациональном, в безумной свободе, в страдании. Человек не стремится непременно к выгоде, он не мирится с рациональным устройством жизни. Свобода иррациональна и безумна, она влечет к переходу за грани, поставленные человеку. Эта безмерная свобода мучит человека, влечет его к гибели. Но человек дорожит этой мукой и этой гибелью. Таков пафос размышлений русского писателя о свободе.

Обращаясь к феномену «боязнь свободы» у Ф.Достоевского, В.Д. Губин обратил внимание, что эта боязнь коренится в боязни возложения на себя бремени ответственности: во все времена было нелегко выбирать самому жизненный путь, отвечать не только за свои поступки, но и за свои мысли. Важно также включить в круг размышлений о современности утверждение Ф.Достоевского о свободе как источнике зла, преступлений и войн: в мире так много зла и страдания, потому что в основе мира лежит свобода. Но перечеркивает ли этот тезис тот, который был первоначально: в свободе – все достоинство мира и достоинство человека? И можно ли, как вопрошал Ф.Достоевский, избежать зла и страдания ценой отрицания свободы, сделав мир принудительно добрым и счастливым?

Российский опыт прошлого столетия продемонстрировал бесперспективность попыток насильственно исполнить даже те предписания Великого Инквизитора, которые Ф.Достоевскому вполне реализуемы. Принудительно, вне свободы, как оказалось, невозможно создать даже видимого торжества добра и уж тем более – счастья («Вот радио уж повели, а счастья все нет»). Обделенный свободой народ не смог создать даже «счастья муравейника» и хоть какого-то подобия «экономического довольства».

Докладчик, в заключении, формулирует вопрос, обращенный ко всем участникам круглого стола: не продвигаются ли в проектах современных интеллектуалов новые «глобалистские» предписания Инквизитора, когда речь заходит о строительстве просчитанного и предсказуемого мира? Для кого предсказуемого?

Мобильный телефон как «игрушка» глобализации

Завершающее на круглом столе выступление М.Ю. Иванова («Потребительская свобода пользователей мобильной связью в условиях глобализации») было посвящено феномену потребительской свободы и одному из ее вещных проявлений – мобильному телефону.

Известно, что количество приобретенных в России сим-карт превышает количество ее жителей. Нет ни одной группы потребителей, которые не являются пользователями мобильной связи. К этому техно-коммуникативному фактору глобализации докладчик предложил обстоятельнее присмотреться.

В современном обществе потребление сориентировано на производство «различий» и «символов». Потребителю нужен не просто автомобиль, а набор символов, не просто одежда, а способ выделиться в толпе, не просто часы – а узнаваемые часы. «Брэнд» – это и есть плата за пользование продуктом, которая позволяет потребителю дифференцироваться на фоне других.

Мобильный телефон выступает сигнификатором «общества потребления», которое в свою очередь становится все менее предсказуемым. В действительности мобильный телефон – вещь, которая проникла в социальные формы, изменив, к примеру, пространственную характеристику труда – работа вне офиса, в виртуальной команде. Через эту же «вещь» оказались существенно размыты границы времени – рабочего и свободного.

Тот же мобильный телефон стал фактором нескольких дифференциаций – возрастной, статусной, профессиональной... Так, если для ребенка 7-12-летнего возраста телефон является игрушкой, то для 15-16-летних подростков это уже средство дифференциации и самовыражения, вещь, подкрепляющая идентичность. Подростки в большинстве своем знают перспективы технологий, которыми они пользуются. Они активные и изобретательные потребители, для которых нужен быстрый доступ к преимуществам и новым опциям. Они же больше других склонны к персонализации (очеловечиванию) мобильного телефона – называют его другом, незаменимым помощником. Родители в этом отношении выглядят куда менее «продвинутыми» как в выборе телефонов, так и в выборе операторов и предлагаемых тарифов. Неслучайно то, что на сегодняшний день подростковый сегмент является фокусом стратегии мобильных операторов и контент-провайдеров.

Но если для подростков мобильный телефон – объект привязанности, быстротечно трансформирующий модели связей между ними, то для экономически активного населения очевиден расчет бенефитов от его использования, тогда как для пенсионеров и домохозяек он уже нечто третье.

Таким образом, для всех перечисленных групп потребителей мобильные технологии привнесли не одну только свободу общения, передвижения и принятия решений. Все они, хотя и в разной степени,

становится эмоционально и психически зависимыми от мобильного телефона – этого овеществленного сигнификатора свободы и глоболизирующегося мира.

Но как быть с тем, замечает М.Ю.Иванов, что мобильный телефон, подобно Интернету, становится таким объектом привязанности, отсутствие которого вызывает психический дисбаланс и потерю ориентиров?

Дискуссант круглого стола, проф. Е.Н. Ивахненко, определил задачу сессии, как попытку очертить общеметодологический рефлексивный контур сложного турбулентного сопряжения экономики, политики и свободы в глоболизирующемся мире в целом и российском социуме, в частности. Исследовательские оптики большинства участников дискуссии были направлены на феномен разрастания измерений либерального сознания в современном мире. Фактор пролиферации свободы отчетливо проявился в «свободном времени», дифференциации труда и экономики в целом. Так, наиболее сложные креативные виды трудовой деятельности успешней реализуются свободными людьми - раскрепощенными социально и интеллектуально, - располагающими свободным временем, которое протекает в другом измерении жизни, отличном от жестких инструкций и принудительных распорядков (Т.Ю. Сидорина). Либерализм, как свобода, воплощенная в институализированных общественных практиках и поднятая до уровня общественной теории, определил собою весь облик современного эффективного высокотехнологичного интеллектуального сектора производства (В.П.Филатов). В свою очередь перенаправление «трудовых ресурсов» на мега-проекты – переброску рек, строительство магистралей, пробивку туннелей и т.д. может выступать как косвенное свидетельство дефицита либерального сознания властей.

Свобода в одном из своих модусов (хаос), как оказалось, может еще служить инструментом глобальной гегемонии супердержавы в стратегии «управления хаосом» (Т.Л.Полянников). Но предложенная стратегия через «сложную петлю» обратной связи может обернуться и против тех, кто вызвался этим хаосом управлять. Ведь такова природа свободы – быть вне детерминации? В пользу «неприручаемости» свободы во всех ее проявлениях говорят и историко-философские аргументы, приведенные в сообщении В.Д. Губина. Мы живем в «постсоциальном» мире, в котором свобода укоренена в его онтоесе, где вещь – мобильный телефон – превращается в фактор утверждения новых идентичностей и задает новые типы общественной дифференциации (М.Ю.Иванов). Несомненно, глобализация привносит в нашу жизнь новые измерения свободы, столь же очевидно и то, что этот же процесс приводит к сокращению собственно «человеческого измерения» общественной жизни; в том числе - от беспрецедентного наплыва анонимных коммуникативных объектов, трансформирующих до неузнаваемости индивидуальную идентичность и модели связей между людьми.

Сведения об участниках круглого стола

Губин Валерий Дмитриевич – д.ф.н., профессор, декан философского факультета Российского государственного гуманитарного университета.

Иванов Михаил Юрьевич – магистр экономики, аспирант кафедры социально-экономических систем и социальной политики Государственного университета - Высшая школа экономики.

Ивахненко Евгений Николаевич – д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой социальной философии Российского государственного гуманитарного университета.

Полянников Тимур Львович – магистр экономики, старший преподаватель кафедры прикладной политологии Государственного университета - Высшая школа экономики.

Сидорина Татьяна Юрьевна – д.ф.н., профессор. Профессор кафедры истории философии факультета философии Государственного университета - Высшая школа экономики. Профессор кафедры и профессор – это разные вещи, извините, что второй раз это отмечаю. Профессор кафедры – это должность, а не звание.

Филатов Владимир Петрович – д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой современных проблем философии Российского государственного гуманитарного университета.